

Анатомия власти и капитала

14 ноября 1996 года один из знаковых журналистов “лихих девяностых” Андрей Фадин опубликовал в либеральной “Общей газете” статью “Семибанкирщина как новорусский вариант семибоярщины”. Она знакомила российскую публику с интервью, которое незадолго до этого назначенный на пост заместителя секретаря Совета безопасности РФ Борис Березовский дал 1 ноября изданию британского Сити *Financial Times*. Березовский озвучил имена семи человек, которые, по его словам, контролировали более 50 % российской экономики и совместно влияли на принятие важнейших политических решений. Кто же входил в эту “всемогущую” семёрку? Сам Борис Березовский (группа “ЛогоВАЗ”), Михаил Ходорковский (“Менатеп”), Владимир Гусинский (“Мост”), Александр Смоленский (Столичный банк сбережений), Владимир Потанин (Онэксимбанк), а также Михаил Фридман и Пётр Авен (“Альфа-Групп”).

Нельзя сказать, что публикация *Financial Times* вскрывала какие-то тайные пружины функционирования российского государства, поразительным было скорее откровенное фанфаронство Березовского.

Как же в действительности устроена российская политическая система? Кто в ней принимает решения? Кто “делает” президентов, глав правительств? Насколько к ответу на эти вопросы приблизилась буржуазная политическая наука? Одной статьи недостаточно для ответа на эти вопросы. Но не поставив эти вопросы, невозможно дать на них ответ.

Russia, Inc.

Под таким заголовком к интервью Березовского обратилась 12 ноября того же года *The Moscow Times*, газета голландского медиамагната Дерка Сауэра. Издание скептически отнеслось к заявлениям Березовского, считая, что он, как настоящий политик и бизнесмен, старается набить себе цену. Под сомнение ставилось и всемогущество семёрки: в качестве опровержения газета среди прочего указывала на такой факт, что за пределами семибанкирщины остались газовая монополия “Газпром” и нефтяной гигант “Лукойл”, к которым мы можем добавить десятки других крупнейших групп российского капитала, включая РЖД, Сургутнефтегаз, Северсталь и т. д. Каждая из них обладала сопоставимым с семибанкирщиной влиянием. Достаточно вспомнить, что именно с “Газпромом” был связан глава российского правительства того времени Виктор Черномырдин.

Как бы то ни было, тема явно привлекала внимание, и статьи о роли крупных капиталистов в российском государстве продолжали появляться с завидной регулярностью. Трудно сказать, чего в этом было больше – то ли политического использования, то ли стремления заработать: газеты с публикациями на эту тему разлетались словно горячие пирожки.

Так, учреждённая Владимиром Гусинским газета “Сегодня” 16 апреля 1998 года пересказала статью, опубликованную 2 апреля того же года британским журналом *The Economist* под заголовком “Магнаты, стоящие за политиками (кто на самом деле будет управлять новым правительством России)”. Статья сопровождалась таблицей из восьми российских *powerhouses* (властных домов), и в ней за “Газпромом” следовал “Березовский”. Наряду с данными о контролируемых активах, таблица содержала явно упрощённые сведения об “интересах в СМИ” и неизвестно кем подказанную информацию о “политических сторонниках”. Неудивительно, что заведующий отделом политики газеты “Сегодня”, опытная акула пера Георгий Бовт, в ироническом стиле отмежевался от всякой ответственности за приводимые в таблице сведения.

В феврале 1999 года *The Economist* вернулся к теме. Количество магнатов увеличилось до девяти, а на первой строчке оказался мэр Москвы Юрий Лужков, который в то время был в центре борьбы за власть. Правительственная “Российская газета” 20 февраля того же года воспроизвела данные, опубликованные британским журналом, сопроводив их комментарием о том, что под ударами финансового кризиса и по причине назначения главой правительства Евгения Примакова “кумовские капиталисты” находятся в прострации.

8 апреля 2004 года газета “Время новостей” опубликовала статью, посвящённую очередному докладу Всемирного банка о состоянии российской экономики. В докладе утверждалось, что треть российской экономики принадлежит 23 частным бизнес-группам. Представивший

доклад главный экономист представительства Всемирного банка в России Кристоф Рюль предлагал не называть владельцев этих групп “олигархами” из-за слишком негативного оттенка этого слова.

Списки магнатов капитала могут отличаться по количеству включённых в них лиц, по методологии анализа, но речь всегда будет идти о частичном, неполном видении действительности.

Спор о словах и буквах

Западные буржуазные эксперты, а также их последователи в России, уже не одно десятилетие ломают перья и головы, пытаются найти правильное название правящему классу Кремля и построенной им политической системы.

В нулевых годах Россия обогатила английский язык новым термином – “siloviki”. Знаковый факт. В 2006 году американский политолог Дэниел Трейсман предлагал назвать политический порядок, возникший с приходом к власти Владимира Путина, “силовархия”, соединив упомянутый термин с “олигархией”. Российское государство, утверждал он, контролируют ветераны спецслужб и бывшие военные. Экономист Маршалл Голдман, автор книги “*Petrostate: Putin, Power, and the New Russia*” (2008), вероятно, не знакомый с размышлениями своего соотечественника Трейсмана, ввёл в обращение новый термин – “силогарх”.

Нам неизвестно, как одна буква меняет соотношение между силовиками и олигархами в *действительной* российской политике, но очевидно, что выхватывая те или иные, даже важные, факты, подобные исследователи, телеологически ставящие перед собой задачу доказать особый, отличный от “правильного” западного капитализма характер России, не добавляют ничего нового к тому, что было написано ещё в XIX веке сторонниками особого русского пути Николаем Данилевским и Фёдором Тютчевым. А сегодня они смыкаются с Александром Дугиным и Сергеем Карагановым: и те, и другие идут по тупиковому пути. Подобная физиогномика ни на шаг не приближает к пониманию сущности внутренней и внешней политики российского империализма.

Разговор по понятиям

Да, уже в самом начале *долгого президентства* Владимира Путина на ключевых постах российского государства значительно возрос удельный вес людей в погонах. Автор книги “Анатомия российской элиты” (2004) Ольга Крыштановская на основе проведённых исследований указывает, что при Путине каждый четвёртый представитель “элиты” стал выходцем из силовых структур, что в два с лишним раза выше, чем было при правлении Бориса Ельцина. Тому есть вполне конкретная историческая причина. За распадом СССР последовала реформа КГБ и сокращение армии, что выбросило из привычной среды примерно 300 тыс. офицеров и генералов. Эти люди не только обладали специфическими навыками, но и имели связи на высшем уровне. Этим воспользовались коммерческие структуры, которые занялись созданием служб безопасности, экономической разведки, информационно-аналитических управлений. С укреплением вертикали власти в начале правления Путина круг замкнулся: из финансовых и промышленных групп бывшие офицеры КГБ вернулись в более привычную им среду обитания.

Но может ли это служить доказательством особого, иными словами, некапиталистического, менее капиталистического, недокапиталистического характера российского государства? В России существуют капитал и наёмный труд, следовательно, государство не может быть никаким иным, кроме как капиталистическим.

О мнимом тождестве

В России, по данным Минфина, на конец 2019 года, было без малого 2,4 млн чиновников. Колоссальная армия. Это она правит Россией, а капиталисты у неё на побегушках – такова ещё одна весьма распространённая идеология. Идеология же, напомним, – это не обман, а скорее самообман. Это такое искажённое зеркало, в котором действительность отражается преломлённой в головах идеологов одной из фракций капитала, которые ошибочно принимают свои мысли о действительности за саму действительность.

Молодой Карл Маркс, критикуя гегелевскую философию права, обращал внимание, что «бюрократия есть лишь “формализм” лежащего вне её самой содержания»¹. Следовательно, природа бюрократии определяется не какими-то её собственными характеристиками, а лежащим вне неё самой содержанием. Достигнув повсеместного господства, буржуазия не оставила бюрократии “ничего святого”, «никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”»². Хотя бюрократия и пытается представить себя эманацией всеобщих интересов государства, она, безусловно, не забывает извлекать частную выгоду, демонстрируя вполне буржуазные аппетиты. «Что касается отдельного бюрократа, – пишет Маркс, – то государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, в делание карьеры». За мнимым тождеством бюрократии и государства скрывается реальная противоположность не только частных интересов отдельного бюрократа, но и интересов множества групп и фракций капитала.

Как и всякой иной специфической деятельности, бюрократии присущи собственные “профессиональные заболевания”: заняв чиновничье кресло, человек начинает отождествлять свой ограниченный ум с государственным разумом. Но поскольку эти сверхчеловеческие свойства не достаются чиновникам равномерно, а распределяются иерархично, в соответствии с занимаемой должностью, то принципом знания бюрократии становится «авторитет», а «обоготворение авторитета» превращается в «её образ мыслей»³.

Хотя буржуазия и ропщет время от времени по поводу бюрократических препонов и регламентов, с тех пор как она поставила управление государством под собственный контроль, она лишила бюрократию всяческой самостоятельности, превратив её представителей в своих покорных слуг. В ряды бюрократии буржуазия сплавляет свою “резервную армию” и из неё же рекрутирует менеджеров высшего звена. Таким образом, бюрократия при капитализме связана с буржуазией, как пишет Владимир Ленин, «тысячами крепчайших нитей»⁴.

Очевидно, что этот анализ применим к бюрократии как Москвы, так и Вашингтона, его можно с неменьшим успехом использовать и в отношении китайских мандаринов, а бунты против брюссельской бюрократии, хотя, возможно, они заинтересовано преувеличены российскими СМИ, указывают на то, что и на родине капитализма ситуация в этом плане не очень сильно отличается от кремлёвской.

Обыкновенный капитализм

Градации и вариации российской империалистической демократии можно понять лишь через изучение Монблана конкретных фактов: соотношения отраслей и фракций капитала, веса и различий регионов.

В российской экономике традиционно высока доля государственного капитала. По данным Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, она выросла с 47,3 % в 2016 году до 56,2 % в 2021-м. Это максимум с начала наблюдений в 2000 году. Это колоссальная, но отнюдь не монолитная сила состоит из множества групп калибра РЖД, Сбербанк, “Ростех” и “Росатом”. Каждая из этих групп имеет собственные интересы, текущее столкновение вокруг ставки Центрального банка тому подтверждение.

Доля нефтегазового сектора в ВВП в 2021 году составила 17,4 %, что сопоставимо с показателем Норвегии и Казахстана, но далеко от нефтегазовых монархий Персидского залива.

Государственный капитал и нефтегазовый сектор важнейшая *часть* российской экономики, основой которой, безусловно, являются крупные группы. В последнем предвоенном анализе 50-и крупнейших групп России мы указывали, что их совокупный товарооборот сопоставим с 50 % ВВП. При этом нельзя забывать и о том, что пятая часть ВВП производится субъектами малого и среднего предпринимательства (МСП), в которых занято 31,45 млн человек, или 41,4 % рабочей силы.

Сведение частных интересов отдельных групп к общей линии и является одной из функций демократии как наилучшей оболочки классового господства капитала.

Февраль 2025 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 270.

² - Там же. Т. 4. С. 426.

³ - Там же. С. 272.

⁴ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 1. С. 440.